

вера тихонова

о любви,
которая сильнее смерти

если
бы не ты,
то бы
и не я

Вера Тихонова
Если бы не ты, то бы и не я. О
любви, которая сильнее смерти
Серия «Есть смысл»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66655636

*Если бы не ты, то бы и не я. О любви, которая сильнее смерти: БФ
«Нужна помощь»; Москва; 2021
ISBN 978-5-6045598-3-3*

Аннотация

Михаил Тихонов, известный фотограф, бильд-редактор и преподаватель в фотошколе, в сентябре 2020 года умер на руках жены Веры. После его смерти Вера начала публиковать трогательные, искренние заметки в соцсетях. В них она рассказывала историю знакомства с мужем, описывала их взаимоотношения, совместный быт, путешествия, жизнь в тайской деревушке и даже делилась личными шутками. Тексты Веры отозвались в сердцах многих людей и впоследствии из них сложилась эта книга.

«Если бы не ты, то бы и не я» – светлая, проникновенная история проживания утраты. О потере близкого человека, обретении новых смыслов, которые день за днем помогают жить дальше и о том, что любовь оказывается сильнее смерти.

Содержание

Слово автора	5
Пролог. Останься	7
I. Узнавание	12
Завтраки	12
Белка судьбы	15
Однажды в прошлом	19
Миша фотографировал везде	24
It's a Man's Man's Man's world	26
Страх лестниц	30
Признание судмедэксперта	32
Скушно, грустно и сожрал	34
Домашние обязанности	39
Мужик сказал – мужик купил кровать	43
Совместный бюджет	45
Любовь в тапочках	50
Спасибо, родные	53
У архангела Михаила	56
Подарки	59
Винтаж	62
Кухня и цвет	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Вера Тихонова
Если бы не ты, то
бы и не я. О любви,
которая сильнее смерти

- © Вера Тихонова, текст, фотографии, 2021
© Владимир Никаноров, фотографии, 2021
© Ирина Воронцова, фотография, 2021
© Ирина Пескова, фотография, 2021
© Кристина Сидоренко, фотография, 2021
© Оформление. БФ «Нужна помощь», 2022

*** * ***

*СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МИХАИЛА ТИХОНОВА –
МОЕГО МУЖА, ДРУГА, ВДОХНОВИТЕЛЯ. ТОГО,
КТО ОТКРЫЛ МНЕ ВЕСЬ МИР И ВЕРИЛ В МЕНЯ –
БЕСКОНЕЧНО*

Слово автора

Здравствуйтесь, друзья!

Ничего, что я к вам так обращаюсь? Этому есть причина. Немного парадоксальная, как многое в той книге, которую вы открыли, но довольно веская.

Когда несколько из собранных здесь историй впервые захотели опубликовать в журнале, я придумала такой заголовок: «Мой муж умер, а потом нашел друзей». И это правда.

Мой Миша – фотограф, ретушер, преподаватель, создатель бесплатного фотобанка – умер на моих руках в сентябре 2020 года. Спустя несколько недель я начала записывать истории о нем и о нас – смешные, романтические, забавные, философские. Мне было очень-очень важно помнить каждую мелочь, ставшую такой драгоценной.

Первое время я показывала эти истории только самым близким друзьям, а потом решила на публикации в фейсбуке. Мне было боязно, что люди там не поймут, разбегутся. Кому захочется быть рядом с чьим-то горем? Но совершенно невероятным и чудесным образом все сложилось иначе. Читатели начали благодарить меня за рассказы. И говорить, что им светло прикасаться к нашей любви, им важно видеть, какими могут быть по-настоящему зрелые отношения в паре. А еще, как оказалось, людям важно знать, какой светлой может быть память об ушедшем человеке, в какую благодар-

ность выплавляется горе.

Это ведь действительно так – боль становится тише, когда вспоминаешь хорошее. Мне легче и радостнее жить, понимая, как много Миша мне дал, как дорого его наследие.

Я и не думала рассказывать, как нужно правильно прощаться и горевать. Но я радуюсь, когда кому-то становится светлее и легче. Ведь это придает Мишиной смерти – и жизни! – смысл. Словно так все и было задумано.

Большинство моих читателей в фейсбуке никогда не знали нас лично. Многие вообще узнали о нашем существовании уже после того, как Миши не стало. Но, прочтя нашу историю, они сроднились с нами, стали хорошими и близкими друзьями. Я надеюсь, что книга будет иметь тот же эффект.

У нас с Мишей было правило: на русском языке я говорила за нас обоих, а на английском – он. И сейчас я говорю и за себя, и за Мишу: добро пожаловать! Располагайтесь поудобнее и ничему не удивляйтесь. Разговор пойдет о любви.

О том, что любовь не перестает. Для любви нет времени и нет границ. И даже смерть бессильна против любви.

Пролог. Останься

В фильме «Энола Холмс» главная героиня просит своего подстреленного возлюбленного: «Не уходи, останься со мной!» Я тоже просила Мишу. Сначала – дождаться скорую, потом – не уходить, потом – вернуться ко мне. Я знала, что он умер, но не могла не попытаться.

Миша слабел очень быстро. Вот он в начале пандемии вместо тренировок бегал по лестнице в подъезде, взлетал на пятый этаж за 53 секунды, а вот через несколько месяцев задыхался и подолгу отдыхал после каждого пролета.

Сколько раз у меня не было сил даже идти по ступенькам. Я так и не научилась чувствовать, когда начинаю уставать. Это Миша читал меня, как открытую книгу, он знал, когда пора возвращаться с прогулки. И только на лестнице я понимала, насколько вымоталась.

У нас столько всего было связано с этими бесконечными подъемами. Как мы целовались между четвертым и пятым этажами. Как Миша спускался за чем-то вниз, а когда возвращался домой, поворачивал на четвертом, ломился в квартиру прямо под нами – и не понимал, почему я не открываю. Как мы мечтали о маленьком домике в долине у подножия гор и клялись друг другу – никаких лестниц, только один этаж. И теперь лестница стала с трудом преодолимым препятствием.

Мы пытались понять, что с ним происходит, но ходили кругами. Сначала думали: сердце, такое сильное и тренированное Мишино сердце. Но нет. Или да. Пришлось перепроверить трижды – вместо того чтобы искать правильный ответ. Потом думали: легкие, и снова несколько ложных следов. Верный диагноз и в голову никому не пришел, как потом оказалось. Симптомы были нетипичными. А некоторые из них и вовсе были не у Миши, а у меня – как тошнота, которая бесследно прошла после похорон.

Не знаю, что бы я сделала, если бы понимала, что он умирает. Добилась бы, чтобы его госпитализировали? И что тогда? Он бы все равно умер, но без меня? Это дало бы надежду, но отняло бы у нас последние часы? Я не верю, что можно было что-то исправить. Мишина смерть не была случайной и нелепой, ей надлежало быть. И в ней было много-много любви.

Миша знал, что умирает. Я – нет. Сейчас я не понимаю, как я не видела, что с ним происходит. Почему не ужаснулась, не испугалась. Я не знаю. Мне было тревожно, но было ощущение, что все идет правильно и как надо.

И когда ночью мы проснулись и долго-долго лежали обнявшись и разговаривали, я не понимала, что это в последний раз. В этой тихой нежности было так хорошо и спокойно. Было правильно и как надо. Наш последний разговор был о любви. И утро тоже началось с любви. Миша проснулся, как всегда, раньше меня, приготовил завтрак, сварил кофе, а

когда он шел в комнату, я проснулась оттого, что слышала, как страшно, со свистом, он дышит.

Миша замерил себе пульс брашлетом – ого, как шкалит. Я пыталась найти лекарство, но у меня не получалось. Потом Миша начал задыхаться, пожаловался, что не хватает воздуха. Я распахнула окно и схватила его за руку. А он сказал: «Не цепляйся за меня, ты же знаешь, я этого не люблю».

Последнее, что он сказал. Не цепляйся за меня. Я этого не люблю.

Не цепляйся.

Он пытался дышать – и не мог. Я держала его и вызывала скорую, руки не слушались. Трубку взяли, когда Миша уже умер – все случилось слишком быстро. Я видела это, понимала – но не могла принять.

Когда прилетела реанимационная бригада, они тоже все поняли. И попытались объяснить мне – несколько раз. Врач сказала, что сразу видно, это тромбоэмболия легочной артерии. Но когда я попросила – давайте попытаемся, ну пожалуйста, – не стала спорить.

Я часто вспоминаю это и думаю: сколько же было любви. Врач скорой, которая видела так много смертей, которая уже ничем не могла помочь пациенту, пожалела меня. Она вручила мне мешок Амбу¹, командовала медсестре колоть адреналин и начала качать Мишино мертвое сердце.

¹ Устройство для временной искусственной вентиляции легких, применяется при реанимации. *Здесь и далее примечания литературного редактора.*

Я говорила ей: «У него есть пульс». А она отвечала: «Нет, это вы свой пульс чувствуете». И продолжала считать нажатия и отдавать мне команды сделать за Мишу вдох. Я говорила: «Но ведь браслет показывает, что пульс есть». А она отвечала: «Ну что вы, какой браслет». И продолжала. И отказалась, когда медсестра предложила ее сменить. Она продолжала пытаться вернуть Мишу. Она слушала, как я уговариваю его, она смотрела, как придерживаю безвольную голову, как невпопад сжимаю мешок. Даже когда я сказала ей: «Вы же не верите!», она не сразу остановилась. «Вы не верите, что получится», – повторила я. «Ну конечно не верю, я же вижу, что уже все», – она даже немного рассердилась. «Значит, так это и бывает?» – спросила я. «Именно так это обычно и бывает», – ответила она. И только тогда выпрямилась.

Я не помню, как выглядела эта врач, не помню имя на бейдже. Немолодая, крепкая, с точными движениями. Она помедлила еще – пока медсестра свернула и убрала аппарат ЭКГ и защелкнула застежку укладки. Потом еще – пока я смогла выпустить из рук бесполезный мешок. Потом еще целую минуту, не меньше. И только потом назвала время смерти.

И в этом тоже была любовь.

Сколько времени прошло? Полчаса, час? Я проснулась – минут пять – начала звонить в скорую – минут пять – держала на руках Мишу – минут десять – реанимация – полча-

са. За это время я отвергла все этапы горевания: отрицание, злость, торг, депрессия. И принятие.

Я не могла отрицать Мишину смерть – она случилась у меня на глазах. Я держала его за руку, смотрела в невидящие глаза, видела, как он пытается вдохнуть. Я не могла злиться – на кого? Миша сделал все, что мог, чтобы не умереть. Он сделал все, чтобы мне было спокойно, чтобы я не чувствовала себя виноватой. Скорая доехала к нам за десять минут, и я не знаю, как они смогли, какое чудо для этого совершили. Это было невозможно, но так нужно – не для Миши, для меня. Чтобы я не чувствовала, что что-то упущено. Я не могла торговаться – с кем или с чем? Все было решено, все совершилось так, как должно было. И депрессия тоже была не для меня. Не при Мише. Не тогда, когда все, что он сделал для меня, стало таким драгоценным. Во всем, что с нами происходило, была любовь. Эта любовь не перестает и сейчас.

Не могу это объяснить. Но точно знаю, когда через несколько часов приехали парни из транспортировочной службы, они забрали Мишино тело.

Но сам Миша остался.

I. Узнавание

Завтраки

Миша всегда сам готовил завтраки. За те четыре с половиной года, пока мы были вместе, наверное, только один раз завтрак оказался на мне – мы пару недель жили у друзей в Москве перед тем, как улететь на зимовку, и Миша сильно простудился. Тогда он попросил меня приготовить что-нибудь и обиделся, что я не вскочила и не пошла на кухню немедленно. А я просто растерялась и пыталась сообразить, какие вообще есть варианты.

Завтраки – это было единственное условие, которое я поставила, когда звала Мишу пожить у меня в Краснодаре: мы еще не были лично знакомы, только общались в фейсбуке и в чате. Он тогда жил в офисе, а я предложила ему пустовавшую дочкину комнату и домашнюю еду.

Я тяжело и долго просыпаюсь и туго соображаю после пробуждения. Много лет я начинала работать в восемь утра, ставила будильник на без пяти восемь, чтобы перетащить в постель и включить ноутбук, а выползала из-под одеяла, умывалась и по-настоящему просыпалась только часам к десяти. Вставать раньше и готовить завтрак было выше моих сил.

«Ну, я только континентальный могу», – ответил тогда Миша. «Хорошо, а кофе с молоком и без сахара», – сказала я ему.

Миша рассказывал, что за время своих скитаний научился готовить омлет в микроволновке, а в остальном – покупал готовую еду, которую только разогреть. Но ради меня он взялся за эксперименты. Крутил рулетки из лаваша с творожным сыром и рыбкой, варил каши в мультиварке и пробовал добавлять к ним разные фрукты и орехи (хитом на все времена стала овсянка с хурмой и медом). Он покупал творог разных марок и запоминал, какой мне больше понравился.

Иногда Миша просил меня сделать тесто, пек блинчики и панкейки, сырники и творожные маффины. И рассказывал, как бабушка учила его переворачивать блины, подкидывая над сковородкой.

Миша просыпался намного раньше меня, съедал завтрак, а потом ждал моего пробуждения, чтобы за компанию позавтракать во второй раз. Я только открывала глаза, а передо мной уже оказывались чашка кофе и поднос с едой. Даже если у него случалась какая-то запарка на работе, это ничего не отменяло. В таких случаях Миша просто доставал из морозилки и разогревал блинчики с творогом.

Когда мы немного обжились и закончили самый насущный ремонт, Миша стал понемногу покупать посуду для завтраков. Моя тарелка была оранжевого, такого любимого мной цвета, его – зеленая, чтобы хорошо смотрелась рядом.

Кофе для меня – в кружку матового стекла, потому что мне она нравилась больше, чем кружка с ромашками, для Миши – в черную, он любил черный цвет. Сэндвичи и тосты Миша подавал на дощечке из темного дерева. А для чего он хотел приспособить прямоугольную тарелку из черного сланца, я так и не узнала.

Сейчас я жалею, что стеснялась фотографировать и постить в инстаграме наши завтраки. Они ведь и правда были очень эстетичные. А еще они были про радость, про заботу, про любовь.

Сейчас, когда я прихожу на кухню приготовить себе завтрак (ближе к обеду, раньше не получается) и открываю банку с кофе, мысленно спрашиваю у Миши: «Сколько надо сыпать? Вот так будет хорошо?» Когда кофе сварится, пробую и хвастаюсь: «Миша, смотри, у меня получилось!»

Я продолжаю разделять с Мишей каждый свой завтрак. Потому что ну как иначе? Он же ждет, когда я проснусь и поем. Он смотрит.

Белка судьбы

Я обратила на Мишу внимание из-за... белки.

Мы работали вместе в одной редакции, но непосредственно не пересекались и общались лишь изредка. Я писала новости, а Миша и его ребята подбирали к ним иллюстрации. Зафрендила его в фейсбуке, когда он устроил видеотрансляцию с корпоратива, – так я и другие удаленные сотрудники тоже приняли в нем участие.

Дочка готовилась к ЕГЭ по физике и рассказала мне задачку про белку, которая знает законы Ньютона, держит в лапках кучу орехов и скользит по гладкому столу прямо к краю. Я написала пост, и в комментариях начались шутки про гороховый двигатель и торможение попой. А Миша написал: «Я, конечно, в физике разбираюсь хуже белки, но мне кажется, что задача на второй закон Ньютона. Короче, белке надо кидать орехи в сторону движения, только сильно кидать, тогда импульсы будут вычитаться, и она затормозит».

Я очень впечатлилась. И пошла к Мише в личку выяснять, что там со вторым законом Ньютона. А он как-то очень просто, понятно и по-доброму объяснил.

После этого я стала охотнее с ним общаться, и мы начали обсуждать не только рабочие вопросы.

Как-то разговаривали про мой ремонт, я рассказывала, что хочу купить английское кресло с ушами, Миша сказал,

что, конечно, надо брать, если хочется. И сказал, что ремонт – это хлопоты, но радостные и он это остро понимает, потому что живет в офисе.

Помню, я переспросила: «Что, буквально?» Он сказал: «Да». Я в ту же минуту написала: «Дочка сейчас сдает ЕГЭ в Элисте, приедет через два месяца, а ее комната свободна. Хочешь – приезжай. У меня, конечно, ремонт и разгром, но зато душ, стиралка и домашняя еда».

Миша подумал двадцать минут и купил билет на самолет. Он потом много раз рассказывал, что влюбился в меня с первого взгляда, когда вывалился из такси, обвешанный кофром с фотоаппаратом, ноутбуком и рюкзаком. Что его так потрясла моя доброта к незнакомому, в общем, человеку, что он захотел меня узнать.

Он обнял меня, поцеловал в щеку и спросил: «Как жизнь молодая?»

В нашу последнюю ночь мы проснулись и долго-долго не спали, лежали обнявшись и разговаривали. Я его попросила, как часто делала: «Расскажи, как ты в меня влюбился?» Он всегда отвечал: «С первого взгляда». А в этот раз добавил: «Потому и полез целоваться».

До сих пор удивляюсь, как он решился. Скромнейший Миша, деликатнейший, который никогда не позволял себе подобных вторжений, почему-то просто обнял меня и поцеловал в щеку. Я успела только подумать: «Ничего себе!» Со всем короткое вышло прикосновение, но в нем было ощущение

ние чего-то настолько родного, что я испугалась.

У меня был большой опыт неудачных отношений, и мне меньше всего хотелось экспериментов. Так что я сразу дала понять, что мне не нравится, когда меня трогают.

Миша с этим согласился и вел себя безупречно. Только когда мы гуляли и переходили дорогу, брал меня за руку. Говорил: «Я за тебя отвечаю, я должен быть уверен, что ты в безопасности». И иногда чуть задерживал прикосновение, как тогда, когда мы собирались поужинать где-нибудь, но пошел дождь, Миша принес пиццу и передал мне коробку в дверях, прежде чем разуться.

Мы оба работали по двенадцать часов в день почти без выходных, так что на общение времени оставалось совсем немного. Мы показывали друг другу любимые фильмы, ходили гулять по Краснодару, выходили в поле, там он меня фотографировал, и мы говорили обо всем, ничего не утаивая. Потом его вызвали в Москву, и мы снова общались в мессенджере. Миша стал присылать мне обработанные фотографии с тех прогулок – на первой я была вызывающе, нереально хороша. На второй он умудрился показать такой пронзительный и глубокий взгляд, а на третьей была сказка. Не знаю, как объяснить то, что Миша сделал: просто смотришь на фотографию и чувствуешь, будто оказался в чем-то придуманном и прекрасном мире.

Миша написал: «Я хотел этими фотографиями показать, как отношусь к тебе». И мне все было понятно.

Через две недели он взял отпуск и прилетел ко мне. Это было 12 июня 2016 года, в тот день Миша сделал мне предложение. Он сказал: «Я прожил уже немаленькую жизнь, многое видел и испытал, теперь я хочу посвятить себя тому, чтобы ты была счастлива». И принялся каждый день делать меня счастливой.

Позднее, когда мы захлеб узнавали друг друга, я как-то призналась, что я сапиофил². Миша сказал: «Я тоже». А еще: «Я догадывался, что это все из-за белки».

² Человек, который испытывает эмоциональное и сексуальное влечение к людям, обладающим высоким интеллектом.

Однажды в прошлом

Как-то раз мы с Мишей общались с кем-то из фотографической тусовки, и я упомянула – к разговору пришлось, – что раньше в числе моих информаторов был, например, один из министров Калмыкии. После Миша сказал мне: «Не стоило говорить об этом, тебе же не поверили. Я тебя знаю и знаю, что все так и было. Но звучит совершенно бредово и недостоверно».

Наверное, так и есть. В некоторые моменты своей биографии я и сама поверить не могу. У меня, например, есть непроходящее пятно от пороха на щеке. Много лет назад один добрый человек из спецслужб сделал вид, что стреляет в меня – чтобы проверить. Странно, но я на него не в обиде, мы потом подружились и вместе осилили немало добрых дел.

Журналистика в Калмыкии – дело очень своеобразное. У меня не было каких-то знаковых текстов, которые можно было бы номинировать на условный Пулитцер³. Я не разоблачала, например, Кирсана Илюмжинова⁴, хотя при этом его пресс-служба ненавидела меня до неба и обратно. Но девяностые в регионе закончились ближе к концу 2000-х, и про-

³ Главная публицистическая премия в США, аналог «Оскара» в журналистике.

⁴ Одиозный бывший глава Республики Калмыкия. Занимал пост с 1993 по 2010 год.

сто рутинные новости, если они не были написаны под диктовку той самой пресс-службы, уже были из ряда вон. Да и просто поступать правильно и честно было иногда – как в «Том самом Мюнхгаузене» – чем-то героическим. Наверное.

Когда я ездила в командировки в Осетию, я не делала там ошеломляющих фотографий. Даже не написала толком о тех парнях, которые, случалось, меня там прикрывали. Написала сейчас, и совесть кольнула: эх, молодо-зелено, ведь люди были всего важнее. А может, и к лучшему, что в СМИ не было информации ни о них, ни об их семьях. Пока они живы, по крайней мере. Но я могла наивно спросить у полковника и Героя России, а почему это на блокпост людей закинули, а баллоны с газом, чтобы они могли пищу готовить, нет? И снабженцы тут же получали нагоняй. Потому что полковник понимал, что я не напишу в муниципальной газете об этой ситуации, но федеральным коллегам передать вполне могу. И за такие моменты мне не стыдно. В отличие от, честно скажем, некоторых текстов.

Вот и с тем министром было что-то похожее. Я опубликовала в федеральном информагентстве шокирующие фотографии из единственной в Калмыкии детской больницы: на федеральные целевые деньги там начали ремонт к юбилею, ободрали все на свете, разгромили реанимацию и оперблок, налепили вентфасад – и так бросили. Потому что деньги куда-то делись.

Толку от этого фоторепортажа, пожалуй, не было бы. Но

так совпало, что на следующий день в Элисту приехал Астахов, тогда еще детский омбудсмен. Коллеги, у которых были хорошие отношения с пресс-службой главы республики, втихаря передали мне его график, добрый человек из фотоцентра распечатал те самые фотографии покрупнее. Я явилась на мероприятие, подошла к Астахову и всучила ему снимки.

Деваться было некуда, и он вместе со мной поехал в больницу. Свита, журналисты – все куда-то делись, и мы ходили по больнице вдвоем. Я показывала, что вот в этой бывшей перевязочной лор-отделения по четным дням делают «чистые» операции, а по нечетным – «гнийные». Что лифты выдрали с корнем, и после операций детей носят на одеялах родственники – по единственной лестнице, где ходят и посетители, и буфетчицы с ведрами борщей. Что в отделении на шестьдесят детей, большинство из которых лежат там с мамами, один унитаз и одна розетка. Я затащила его в этот туалет.

Астахов отменил остальные встречи. Говорил за закрытыми дверями с главой. Собрал совещание, на котором полиция говорила: «Мы пытались возбудить дело о хищениях, но прокуратура не дала», а прокуратура говорила: «Да вы собрали какую-то чушь, а не основания для возбуждения».

Глава взял больницу под свою ответственность, Астахов уехал. И в больнице осталось все как прежде. Министр здравоохранения республики (надеюсь, он простит мне, что я че-

рез десять лет раскрываю его как тайный источник, а те, кто его узнает, будут уважать еще больше) сам вышел на меня. И потихоньку передавал мне информацию: что именно говорили на совещаниях, что Москва отказалась еще раз дать деньги, что в республиканском бюджете нужных средств просто нет.

Несколько месяцев я придумывала инфоповоды и старалась держать тему на плаву. Это было непросто, учитывая, что местные СМИ ее полностью игнорировали, а региональных представительств федеральных изданий, кроме меня в «Регнуме», в Калмыкии не было. В итоге стало понятно, что это тупик. Что сделать возможным ремонт в больнице могут только два человека – Путин и Медведев. Мы с несколькими ребятами на местном форуме обсуждали, что можно сделать. Митинг? Нам не собрать ста тысяч человек, в Элисте ровно столько и живет. Блокировать работу предприятий федеральной значимости? В республике таких нет. Листовки разбрасывать и развешивать ленточки? Не смешите.

Потом кто-то предложил публично обратиться за помощью к Далай-ламе, и у меня что-то щелкнуло в голове. Как раз в то время ветеран из Питера попросил у Обамы квартиру, потому что ему местные власти не давали. И вопрос решился. А что, если сделать что-то в этом духе?

Один волонтер сделал на коленке сайт, другой написал текст обращения, третий перевел его для американских газет. Мой бывший напарник и хороший друг из «Труда» сде-

лал новость – и идея выстрелила. О том, что жители Калмыкии просят президента США взять под свою юрисдикцию детскую больницу и сделать там что угодно, лишь бы где-нибудь в уголочке лечили детей, написали вообще все. Даже Washington Post.

Большие люди из Калмыкии получили по шапкам, учредили фонд и скинулись в него. И в больнице все-таки сделали ремонт.

Эту историю не впишешь в журналистскую биографию. Вернее, можно попытаться, но все решат, что это жалкая попытка посоперничать с «Нейромедузой»⁵. Вы-то, надеюсь, поверите. Миша верил. И боялся за меня. Я давно ушла из экстремальной журналистики, все возможные угрозы были позади, и о рискованных ситуациях можно было вспоминать со смехом. Но Миша волновался. И жалел, что тогда, в прошлом, он не был со мной и не мог меня защитить. Просто он любил меня – всегда. Потому я так уверена, что он любит меня и теперь. И будет любить – всегда, вне времени.

⁵ Псевдоиздание, новости для которого пишет нейросеть.

Миша фотографировал везде

Миша фотографировал постоянно и все. Где бы мы ни были, он незаметно доставал телефон и снимал все вокруг и нас самих.

Он снимал, как мы проходили границы, – в зоне, где фотографировать строго-настрого запрещено. Снимал, как я хмурилась, сидя за ноутбуком. Как знакомого кота выгоняют из кафе, как играют блики солнца на листьях кувшинок, как тайский художник рисует батик, как растаман торгует замысловатыми перстнями. Даже во время нашего венчания в православном храме в Израиле он все порывался достать из кармана телефон и сделать селфи. И завистливо поглядывал на туристов, фотографировавших нас как одну из достопримечательностей подворья святой Тавифы. Фотографировал, когда меня вывозили из операционной.

У меня остались гигабайты фотографий. День за днем. Каждое приключение. Так Миша видел мир.

Он соглашался, когда кто-то говорил, что его фото выглядят слишком совершенными, идеализированными. И объяснял: «Я делаю это нарочно. Камера неспособна передать картинку такой, какой мы видим ее глазами, и на постпродакшене я довожу ее до такого состояния, какой я ее вижу и воспринимаю».

Он видел мир огромным и прекрасным. И нас в нем –

счастливыми.

It's a Man's Man's Man's world

Иногда мы с Мишей рассказывали друг другу всякие байки из своего прошлого. Как у него с дачи украли любовно выращенную ель, какие вкусные были бананы, сорванные прямо с пальмы на Тенерифе, как Мишиному товарищу в Измайлове прострелили «восьмерку» почти насквозь: они вышли из гостиницы и попали в центр перестрелки ментов и бандитов – пуля прошла через багажник и застряла в торпеде. Как я училась стрелять и сразу же выбила спецназовский норматив из ПМ, как напарник возил меня к морю лечить разбитое сердце, как у нас было рок-кафе и я была своей за каждым столиком и ездила с музыкантами на фестивали.

Мне было важно, что при всем моем опыте – и репортерском, и житейском – Миша был мне равновесным. И часто оказывался опытнее, взрослее, мудрее. Нам обоим досталось от жизни к моменту, когда мы встретились, мы пережили много потерь, а когда много теряешь, начинаешь ценить то, что важно на самом деле. И в этом мы с Мишей были на одной волне. Не амбиции, не деньги, не что-то внешнее. Важна семья, важны близкие. Дорого и ценно, если можешь себе позволить жить, просто не ожидая чего-то плохого.

Вот ведь удивительно – мы рассказывали друг другу о прошлой жизни, и оба проживали ее еще раз, но на этот раз вместе. С самого детства. С фотографий, где он – маленький

крепыш и подросток-дзюдоист с коллекцией медалей, где я – ясноглазая девочка, у которой вся жизнь впереди, и молодая журналистка, вечно ввязывающаяся в неприятности.

Иногда я только благодаря этим разговорам и проживанию заново осознавала, какие глупости делала. Как в 2004-м в режиме реального времени, когда в Элисте было всего два интернет-кафе, я передавала за пределы республики информацию о первом в России силовом разгоне митинга оппозиции, а потом писала, что прокурор республики пригрозил калмыкам повторением сталинской депортации. Как ставила ультиматум гендиректору крупнейшего в Калмыкии медиахолдинга, и мне – и всему коллективу – серую зарплату сделали белой.

С гендиректором все удалось благодаря поддержке ребят из ОБЭПа, с которыми у меня тогда были хорошие отношения. Миша долго удивлялся, что меня не стукнули по голове в подъезде, что «бэпники» были на моей стороне, хотя они не могли, не должны были идти против этого холдинга.

Он слушал все эти дикие истории и как-то спросил у меня: «Ты что, дружила только с мужчинами?» Я тогда ответила: «Ну вообще-то нет, у меня были и подруги». Но на самом деле – да. Было такое.

Я была криминальным репортером, дружила со всеми, кто в погонах, общалась с бандитами – и это был мужской мир, в котором мне нужно было быть «своим парнем». Работала на выборах, потом и вовсе по уши увязла в политике – и это

тоже был мужской мир. А еще я одна растила ребенка, жила на съемной квартире, работала на трех работах одновременно и больше чувствовала себя роботом, чем женщиной.

И когда я с Мишей почувствовала себя женщиной, то и вокруг меня вдруг стали появляться удивительные, сильные женщины. Я сделала то, что давно хотела: отстранилась от политики, ушла из новостей и стала писать на социальные темы.

Я начала иначе дружить с женщинами – взхлеб, с интересом и восхищением. И осознала это, наверное, только когда Миши уже не стало. Когда меня укутали заботой и любовью, подхватили множеством рук. Миша больше не спрашивает у меня, как я справляюсь с работой, как у меня жизнь и настроение – но у меня появилась подруга, которая пишет мне именно тогда, когда хочется похвастаться дописанной статьей или поискать оправдания прокрастинации. Я больше не могу болтать с Мишей, если не сплю ночью, – но еще одна моя подруга живет в Пенсильвании, и из-за разницы во времени ей как раз удобно болтать со мной обо всяких пустяках и смешных историях. Миша больше не слушает мои рассказы о прочитанных книгах – но оказалось, мне есть кому рассказывать, с кем вместе ловить промокоды книжных магазинов, кого просить поискать что-то новенькое.

Как вышло, что Миша стал для меня проводником в женский мир? Я догадываюсь, пожалуй. Он открыл для меня – меня саму. Дал мне возможность не быть «своим парнем»,

не делать вид, не подстраиваться. Просто быть собой.

Нет, не так. Лучшей версией себя.

Страх лестниц

Каждый раз, когда мы с Мишей ходили в строительный магазин, нам надо было переходить через железную дорогу, а потом пересекать шоссе по надземному пешеходному переходу. И каждый раз я его спрашивала: «А помнишь, как я тогда боялась?» И он отвечал: «Ну конечно».

В нашу первую осень мы с Мишей собирались что-то купить в том строительном. Тогда как раз выпал первый слякотный снег, и я надела ботинки на устойчивых широких каблуках. Подниматься в переход по белой скользкой плитке было неприятно, но терпимо. Но вот когда мы перешли шоссе и надо было спускаться по другой стороне, меня накрыло.

Почему-то я до ужаса боюсь лестниц, лифтов, любых неустойчивых поверхностей. Можно было бы сказать, что этот страх появился, когда телохранитель одного политика пытался уронить меня с лестницы, но на самом деле так, кажется, было всегда. Мне даже кошмары снятся про лестницы, лифты и то, как земля уходит из-под ног.

Я отчетливо помню этот момент, когда я внутри себя решила, что могу по-настоящему доверять Мише. Что могу ему – первому человеку в жизни – показать, насколько мне страшно. Что могу сказать ему, что я ни за что, ни за что не наступлю на ступеньки, что там скользко, что я непременно упаду, что нет, он меня не удержит, я же буду лететь кувыр-

ком и собыю с ног и его. Что могу даже взять и заплакать – раз мне страшно и хочется плакать. Что так можно.

Он и правда все понял. Он просто обнимал меня крепко-крепко, утирал слезы, уговаривал, уверял, что конечно, непременно меня удержит, что мы не можем остаться над шоссе, что, даже если повернем назад, там тоже придется спускаться по лестнице. Что мы можем никуда не торопиться и останавливаться после каждой ступеньки. Что все непременно будет хорошо.

С тех пор – и до последнего дня – Миша всегда крепко держал меня за руку на лестницах, он всегда был готов подхватить меня на эскалаторах. Каждый раз, когда я вспоминала этот наш переход через мост, я говорила Мише: «Ты ведь не стал надо мной смеяться». И он говорил: «Нет, я не смеялся. Я тебя понимаю».

За долгие годы в одиночестве, в журналистике, в не самом ласковом мире, во взрослой жизни – а я, кажется, никогда не была ребенком, так и родилась маленьким взрослым – я ни разу никому не показывала свои страхи. Делала непроницаемое лицо, брала себя в руки и преодолевала – чтобы не оказаться уязвимой.

А Мише научилась доверять настолько, что на ступеньках просто не смотрела под ноги, просто держалась за Мишино плечо или руку. И он вел меня так, что я ни разу, ни разу не споткнулась.

Признание судмедэксперта

Конечно, было наивным ожидать, что судмедэксперт в отчете об исследовании Мишиного тела будет сокрушаться о том, как такое могло случиться, что такой сильный, еще совсем не старый и вообще замечательный мужчина мог скоростижно скончаться. И все равно было безумно больно читать сухое, казенное описание того, как смерть (мгновенно, слава Богу, мгновенно!) распространилась и сделала все необратимым.

Только когда мне переслали в вотсапе страничку, которую забыли откопировать, я увидела, что у эксперта все же нашлось для Миши несколько добрых слов: в указании на правильное телосложение, в длинном перечислении хорошо развитых мышц, в словах о том, какой у него замечательно правильный мозг и блестящие извилины.

Я окончательно убедилась – и раньше понимала, но теперь это было утверждено, – что не было никакой ошибки, которую можно было бы исправить. Не было ничьей вины. Так сложились обстоятельства, так судил Бог. И даже если бы скорая приехала еще раньше, ничего бы не изменилось. Миша умер, и с этим ничего нельзя было сделать.

Я так благодарна Богу за то, что все случилось именно так. Что Миша предчувствовал и успел подготовиться. Что он попросил прощения у всех, кого вольно или невольно обидел.

Что привел дела и бумаги в порядок. Что отдал все распоряжения. Что мы с ним сказали (каждый день говорили) друг другу самое важное. Что все случилось дома, мы были рядом и держали друг друга за руки. Что Мише если и было больно, то всего мгновение.

Я рада, что была с Мишей столько, сколько могла. Он еще полдня был дома, со мной. И я прощалась с ним наедине. Я смогла увидеть и, что важнее, осознать, что произошло. Даже когда приехала перевозка и Мишу переложили на носилки, ребята не стали меня торопить, дали минуту посидеть на полу рядом с ним, обнять его, поцеловать еще теплые руки.

Сейчас я знаю, что не всем умирающим дается такая роскошь. И не всем вдовам. Но в том, что произошло именно с нами, было так много Божьей любви. Я знаю, вижу, что мы не были оставлены.

Сейчас я чувствую то же, что все те дни. Мне больно (очень больно, правда), но вместе с тем очень светло. Мне часто пишут в комментариях и в личку, мол, как же так, как Бог допустил, что Миша, такой замечательный и нужный мне Миша, умер? Я не знаю, каков замысел Бога для нас. Но я знаю, Он позаботился, чтобы неизбежное свершилось самым милосердным для нас способом. В любви.

Скушно, грустно и сожрал

Когда Миша в самый первый раз приехал ко мне в Краснодар, на ужин были совершенно несъедобные стейки из индейки. Тогда у меня третий день подряд болела голова, не стоило браться за экспериментальное блюдо, но вышло что вышло. Миша не подал виду, что разочарован или расстроен, и заверил меня, что привык есть всякую гадость и совершенно неприхотлив.

Позже я узнала, что он двадцать лет был женат на чудесной женщине, она работала сушефом одного из крутейших московских ресторанов. Так что у Миши была возможность избаловаться в плане еды. А потом у него случился неприкаянный период, когда он жил где попало, а питался тем, что готовил в микроволновке в офисе или покупал в 7-Eleven или кулинарии «Ашана». В то время самой большой гастрономической радостью для него был домашний суп, который иногда в банке приносил коллега. Так что резиновые стейки и правда не казались чем-то из ряда вон.

У меня же с едой все было очень непросто. Голодное студенчество, еще более голодный декрет, а потом я все время работала на двух-трех работах, так что меня не хватало на то, чтобы даже просто получать удовольствие от еды, не то что готовить. Конечно хотелось. Я любила и по возможности собирала красивую посуду, копила под отдельным хештегом

рецепты. Но готовить – не просто покидать в кастрюльку макароны и сосиски или что попало тушиться в мультиварку, а вдохновенно и вдумчиво творить – получалось очень-очень редко.

Тогда, несмотря на эпический факап со стейками, Миша сразу дал мне понять, что готов помогать мне на кухне всем, чем может. Сам он из прежней жизни вынес только умение запечь курицу на банке, так что стратегическое командование было на мне. А Миша чистил овощи, разделявал мясо, нарезал зелень – всегда только керамическим ножом, он говорил, что так правильно и полезно. Он снимал пену с бульона, бегал проверить, не слишком ли загустел соус, перемешивал в бамбуковой чашке салат.

Мы все делали вместе, кроме завтраков. Стоило мне прийти на кухню и начать копошиться, как Миша тут же появлялся рядом и спрашивал: «Чем помочь?» И чем дальше, тем чаще даже не спрашивал, а просто подхватывал то, что я делаю.

Мне казалось, что это похоже на танец – мы умудрялись не мешать друг другу на маленькой кухне, а действовать слаженно. Я знала, какой лопаткой ему больше нравится помешивать терияки в кастрюльке, он – какую чашку мне подать для маринада. Я привыкла сразу же мыть испачканную при готовке посуду, а Миша запомнил настройки плиты и пропорции ингредиентов для разных блюд.

Сейчас я пытаюсь вспомнить и не могу – когда мы реши-

ли чаще готовить дома, чем есть в кафе? Когда отказались от полуфабрикатов и поняли, что у нас получается вкуснее? Когда у нас сформировалось свое меню – то, что полезно, не занимает много времени и нравится нам?

Все случилось просто и само собой. У меня стало больше времени, а Миша взял на себя половину работы на кухне. Сначала мы купили самую дешевую настольную духовку, а потом обустроили всю кухню по своему вкусу. И даже начали вести кулинарный блог. Ни разу, никогда я не чувствовала себя прикованной к плите. И тем более – брошенной там в одиночестве. Нет.

Еда стала моим творчеством. Я случайно наткнулась, а потом стала нарочно смотреть американские кулинарные проекты. Миша переводил мне с английского, помогал подобрать аналоги специфическим ингредиентам, поддерживал мои предложения попробовать что-то новенькое. И, конечно, он ел. Заразительно и с таким видимым удовольствием, что, даже если бы он ничего не говорил – а Миша каждый раз говорил спасибо и хвалил стряпню, каждый раз без исключений, – это зрелище само по себе дарило вдохновение.

Первый и второй завтраки брал на себя Миша (он научился их готовить ради меня, я рассказывала), а потом у нас были обед с обязательным мясным блюдом (иначе Миша не надеялся), какой-нибудь перекус на полдник, плотный ужин, фрукты или что-нибудь легкое перед сном. И это притом, что мы постепенно полюбили готовить каждый раз свежее, а не

разогревать вчерашнюю еду.

Стоило Мише остаться одному дома, все съестное стремительно исчезало. Я уходила к косметологу и час общалась с Мишей только в чатике. Освобождалась, звонила и слышала: «Мне было без тебя скушно и грустно, и я все-все сожрал».

Мне так радостно вспоминать, как ему было вкусно. Миша радовался как ребенок, когда мы освоили борщ – в точности как тот, что варила его бабушка. Он всегда сам мелко-мелко крошил капусту, как она учила. Когда пирожки оказывались восхитительно нежными. Когда кто-нибудь из знакомых присылал фото еды, приготовленной по нашим рецептам.

И грустно думать, что многое не сбылось. Я так и не решилась на шницель по-министерски. Миша говорил, что это одно из его любимых блюд. А я не смогла. Не захотела. Или пшенная каша с тыквой. Он так удивился, когда я сказала, что умею ее готовить, и захотел попробовать. А я все откладывала до случая, а он так и не настал.

После Мишиных похорон я не стала устраивать поминальный обед. Вместо этого оплатила еду для бездомных. Мы оба так хотели, мы говорили об этом – о том, что в такой ситуации уместнее накормить тех, кто по-настоящему голоден. Мы с ним всегда старались откликаться на каждую просьбу о помощи, поддерживать тех, кому трудно, кормить голодных. Теперь я делаю это без Миши, чтобы делать добро от его имени и хотя бы так добавить ему то, что я не смогла.

Не из чувства вины, нет – Миша не стал бы меня упрекать, и я не буду. Только из любви.

Домашние обязанности

Когда я пишу про Мишу и про нас, иногда сомневаюсь – а он точно был бы не против? Может быть, то, что я рассказываю, слишком личное, может, не стоит? Как, например, про быт и домашние обязанности. Но потом думаю – если бы я сейчас могла спросить у него разрешения, он наверняка одобрил бы все, что угодно, лишь бы мне было чуть легче. А еще вспоминаю, как спросила у него, не против ли он дать короткое интервью про эволюцию своих взглядов на женский вопрос, и Миша согласился. Нет, он не был бы против, поэтому я расскажу.

С тем, что касалось так называемой мужской работы, у нас никаких проблем не было – Миша умел все и делал с радостью. Однажды, еще когда он мотался между Москвой и Краснодаром, у нас засорился сток душевой кабины. Я пожаловалась ему в мессенджере, что придется вызывать сантехника, а я так не люблю, когда чужие в доме. Миша написал: «Если до моего приезда терпит, я буду счастлив сделать все сам». Я тогда поулыбалась: «Что, вот прямо будешь счастлив прочищать канализацию?» А он сказал: «Понимаешь, я так соскучился по ощущению своего дома, по возможности что-то делать руками, заботиться. Так что да, это – счастье».

Прошлым летом Миша чинил кнопку к бра, и я вспомнила, как он еще в самом-самом начале подключал кондицио-

нер к проводу, который заложили в стену и так и бросили хвостами наружу. Он долго возился, лежа на животе перед низкой розеткой, потом сказал: «Ну, если я еще не совсем дурак, должно заработать» – и пошел включать предохранитель. «Знаешь, я тогда так переживала», – призналась я потом Мише. «Что, молилась, хоть бы не дурак?» – рассмеялся он. А я переживала, что он огорчится, если что-то не получится.

Про рутинные домашние дела я сразу сказала Мише, что не очень понимаю деление таких обязанностей на мужские и женские и мне бы хотелось, чтобы мы всем занимались вместе. Он согласился, но не все пошло гладко. Оказалось, для Миши главное и основное, что надо делать по дому, – это мыть посуду сразу после того, как она испачкалась, и подметать-мыть полы. Он даже несколько раз выговаривал мне, что я игнорирую эти заботы. После очередной ссоры на эту тему выяснилось, что множество других дел для него просто невидимы. Мы сели и составили список всего, что нужно делать, – вплоть до протирания плинтусов, снятия паутины с усиков роутера и ротации полотенец. Всего у нас получилось больше шестидесяти пунктов, и Миша был невероятно впечатлен. Он даже и не думал о том, что за этим тоже надо следить.

Теперь каждый из нас, когда был свободен, делал то, до чего дотягивались руки, – иногда просто заодно. Пошел чистить зубы – вымыл зеркало в ванной. Раз в неделю мы устра-

ивали большую уборку, и Миша брал на себя более масштабные дела, а я возилась с бесконечными мелочами.

Недавно в фейсбуке я увидела рассуждения мужчины, что, мол, домашние дела ложатся на плечи женщин, потому что мужчины просто больше зарабатывают. И мне стало очень-очень странно. Миша всегда зарабатывал больше меня – в последние два года его зарплата была втрое больше. Но это никогда не было аргументом – ни в домашних делах, ни в принятии каких-то решений. При чем тут это вообще?

Гораздо важнее, что если разделять хлопоты на двоих, то это и быстрее, и веселее, и у обоих останется достаточно сил для отдыха и развлечений. Поэтому мы все делали вдвоем – убирали, готовили, ходили за продуктами. И если Миша собирал мебель, менял проводку, что-то пилил или прикручивал, я всегда спрашивала его: «Помогать или не мешать?» И что бы он ни ответил, была рядом.

За два дня до Мишиной смерти мы гуляли по старым улочкам Краснодара, потом сидели на скамейке, смотрели на закат и долго-долго разговаривали. Миша говорил, что чувствует себя виноватым перед бывшей женой. Он говорил, что не осознавал, как много домашних забот он незаметно для себя переложил на нее, что не понимал, как на самом деле надо делать.

Я знаю, что да, всякое бывало. Но помню хорошее. Как Миша сам выбрал ведро и швабру, самые удобные и продвинутые. Как он по утрам, еще до того, как я просыпалась,

успевал подмести кошачью шерсть с пола. Как легко и как правильно с ним было.

Спасибо тебе, родной.

Мужик сказал – мужик купил кровать

Для Миши «мужик сказал – мужик сделал» равнялось «мужик сказал – мужик немедленно сделал». Первое время у нас даже недопонимание случалось из-за этого. Я вспоминала, что что-то надо сделать, говорила Мише, а он психовал из-за того, что я даю ему два задания одновременно. Или прошу что-то сделать, когда он занят чем-то другим, от чего не может оторваться вот прямо сейчас.

Мне приходилось раз за разом объяснять ему, что я просто боюсь забыть и поэтому сразу говорю ему, а он может сам решать, когда будет правильно и комфортно. Не сразу, но он это запомнил. Даже начал иногда забывать что-то сделать, но всегда говорил, что надо просто напомнить, и все обязательно будет.

В первый раз меня потрясло это его свойство, когда я сказала, что круто было бы купить кровать. Мы спали на диване, который приехал со мной из Элисты, и он в целом был неплох. И вообще я имела в виду купить кровать когда-нибудь потом, когда закончим ремонт. У нас же только одна комната была сделана, и то не до конца, а вся остальная квартира – бетон и разруха.

Рано утром Миша разбудил меня и сказал: «Едем». – «Куда?» – «Покупать кровать». Мы отправились через весь город в мебельный. Ехали долго-долго. Выбрали кровать – ка-

кую и хотели: белую, непременно с подъемным механизмом и со смягченными углами, чтобы не стукаться. Миша укладывал меня на образцы матрасов, чтобы понять, какой нам нужен. Когда мы определились, он ушел оформлять покупку, а я на этом примерочном матрасе и уснула – ведь выспаться он мне не дал, так немедленно Мише нужно было купить кровать.

Совместный бюджет

На совместном бюджете настоял Миша. Впрочем, настоял – это громко сказано, я не была против. Но у меня не было такой привычки и пришлось поработать над собой.

Семья для Миши была свята, и мысль разделить что-то – это семейное, а это мое – ему и в голову не приходила. Не оценить такое отношение и не откликнуться на него было невозможно. Один раз мы даже вслух проговорили, что берем друг друга целиком, оптом, как есть – с кредитами и старыми травмами, привычками и сложившимся характером, даже с подарками, которые когда-то не оценили и возвратили наши бывшие. Потому что ну а как иначе?

Перекладывание теории на практику не сразу пошло гладко. Дело в том, что я с Мишей очень быстро перестала носить свой рюкзачок – у него был куда более вместительный рюкзак для покупок. В карманы этого рюкзака Миша распахивал множество всяких мелочей, которые могли мне понадобиться. И радовался, если вдруг мне где-то приспичивало салфетку, бальзам для губ, таблетку – и он мог мне это дать.

Но так получалось, что бумажник с наличными и карточками тоже носил Миша. А я оказалась в ситуации, когда для того, чтобы купить воды, кофе или булочку, приходилось просить.

Я чувствовала, что разом превратилась в ребенка, для ко-

торого «ничего твоего тут нет» и «не купидай». Головой понимала, что все это бред, что Мише ничего для меня не жалко, что он рад будет что-то для меня сделать, но открыть рот и попросить – не могла.

Какое-то время я переживала все это в себе, но потом посчитала, что это как-то нечестно. Да и непродуктивно. И рассказала Мише, что именно мне трудно и почему.

Сказать, что он был шокирован – ничего не сказать. Как так, получается, я его боюсь? Думаю, что он мне откажет? Как же так?

Миша тут же предложил мне самой носить бумажник и контролировать наши расходы. Он заверил, что для него нет никакой проблемы в том, чтобы попросить у меня что-то ему купить или выдать денег, но я отказалась от этого предложения. Тогда он сто, не меньше, раз, чтобы я запомнила, усвоила, приняла, повторил, что он просто кошелек на ножках, что он носит не свои, а наши деньги, что ему совсем-совсем ничего для меня не жалко. А еще он стал предугадывать мои желания. Когда мы гуляли, он спрашивал: «Может быть, хочешь взять кофе с собой? А попить воды? А ты не проголодалась? Может, блинчик? Вон твои любимые».

Меня очень трогала и радовала такая забота. И постепенно я оттаивала, отходила от детских травм и удивлялась – и правда, что это я? Мы же семья. Мы почти всегда были вместе: работали на удаленке бок о бок, вместе гуляли и ходили по делам, так что само собой сложилось, что мы обсуждали

все траты. Мы вместе покупали продукты, вместе выбирали друг для друга одежду, уговаривали друг друга купить что-то для хобби – фильтры для объективов или пряжу.

Миша записывал все расходы в приложении. Так было проще планировать бюджет, да и вообще – так он чувствовал, что все под контролем. В какой-то момент, чтобы упростить отслеживание трат, я настроила эсэмэс-уведомления от своего банка на Мишином телефоне. Потом мы оба расплачивались с его карты – там был хороший кешбэк, и я просто переводила свои гонорары ему. Часто я даже примерно не представляла, сколько у нас денег. Просто знала, что Миша проследит, чтобы было на ипотеку, продукты, всякие обязательные расходы. А в остальном говорила, что мне бы хотелось что-то купить, и уточняла, можем ли мы себе это позволить.

Мы ни разу не спорили насчет трат. Ни разу не было такого, чтобы один из нас хотел что-то для себя, а другой возражал. Мы договаривались. А препирались, только когда я хотела что-то для Миши, а он сопротивлялся или он хотел что-то для меня, а я была против.

А о чем спорить? Мы оба любили путешествия и все излишки, которые у нас образовывались, откладывали на поездки. Мы оба считали, что экономить на здоровье, обуви и питании – последнее дело. Мы оба считали естественным и нормальным, что обсуждаем свои траты и легко договариваемся. Миша приходил в ужас, когда я ему рассказывала про

своих подруг, у которых с мужьями были отдельные бюджеты, а потом они оказывались в декрете и жили на свои накопления, искали подработки или мучились необходимостью просить что-то у мужа.

Миша ни разу не упрекнул меня в том, что я зарабатываю намного меньше него. Он говорил: «Просто мне однажды повезло, а потом я двадцать лет проработал на одном месте и дорос до такого уровня». При этом он последовательно уговаривал меня снижать нагрузку, не считаясь с потерей части дохода. Когда мы встретились, я работала по двенадцать часов в день плюс подработка, он уговорил меня перейти на восемь часов, потом на шесть. Он не говорил «я хочу больше твоего внимания» или «больше занимайся домом», нет. Он переживал, что я устаю, что мне после работы вообще ничего не хочется. Он понимал, что новости – это очень токсично. Миша уговорил меня уйти на фриланс, самой определять темы для публикаций и регулировать нагрузку. Он говорил: «Мы справимся, если нужно будет, я возьму подработку, а ты попробуй, как тебе будет лучше».

Когда Миши не стало, я немного паниковала: как же я справлюсь без него? На что мы будем жить? А потом сделала усилие над собой и не стала идти на кабальные условия за маленькую, но стабильную зарплату. И это оказалось правильно: к тому времени, когда я была уже готова, пришли новые проекты, те, что меня радуют и наполняют, а не опустошают. И я каждый день благодарю Мишу, что он научил

меня этому.

Думаю, это он присматривает. Ему всегда было важно контролировать. В хорошем смысле, ну вы понимаете.

Любовь в тапочках

Когда-то давно, когда мы еще не были помолвлены, Миша придумал инстаграм для моих тапочек. Я рассказывала ему про своего духовника и сказала: «Ты понимаешь, это такой человек, который в кладовке под самой крышей хранит для меня тапочки и ждет, что я приеду и буду в них ходить».

Миша не понял, пришлось объяснять подробнее. Я рассказала, что годами снимала квартиру рядом с родителями – или через подъезд, или в соседнем квартале. Чтобы быть рядом, помогать, заходить почаще. Но однажды, когда добрейший иеромонах, к которому я собиралась в скит в тверской глуши, сказал, что очень меня ждет и даже купил тапочки, чтобы мне не нужно было везти свои, осознала, что в родительском доме у меня нет своих тапочек.

Есть тапочки моей дочки, они регулярно обновляются. Есть тапочки моего младшего брата, который с семнадцати лет жил в другом городе, а потом вовсе уехал в Европу. Есть тапочки его жены, которая приезжала к родителям не помню сколько раз, два или три. Были общие гостевые, но моих – не было.

Мне было горько понять и принять свое отсутствие в доме родителей. То, что там нет моих тапочек, моего полотенца (у братика и его жены есть), моих фотографий на стенах. Я даже как-то – не помню, перед днем рождения или Новым

годом, – когда мать спросила, что я хочу в подарок, сказала: «Купите мне тапочки, чтобы они были мои и стояли в прихожей». Но она отказалась: «Если тебе так надо, сама купи и принеси».

Вот это объяснение Миша хорошо понял. Он несколько лет прожил неприкаянно и одиноко, не имея своего угла – и своих домашних тапочек. Все его вещи умещались в перемотанную скотчем коробку под столом, и никто в целом свете не ждал его домой.

Тогда Миша сказал: «Знаешь, я куплю для тебя тапочки. Красивые, удобные. Когда-нибудь у меня будет свой дом в Москве, не вечно же мне в офисе жить. Я давно решил, что буду туда покупать мебель и вещи по мере того, как они будут требоваться, а тапочки для тебя куплю сразу. Вдруг ты когда-нибудь заглянешь ко мне в гости». Миша рассказывал, как он заведет инстаграм для этих тапочек, чтобы каждый день показывать, как они ждут меня. Как гуляют на балконе, выглядывают в окошко, устраиваются на ночь в прихожей. Я слушала и понимала про него что-то очень-очень важное.

Не знаю, может быть, я так легко приняла Мишино предложение о замужестве через две недели, потому что он понял меня тогда. Я увидела, каким мягким, благородным, щедрым он может быть.

Миша помнил эту историю всегда. Каждый раз, когда мне нужны были тапочки, сам выбирал их для меня – самые романтичные и самые удобные. И когда я куда-нибудь уезжала

одна, он всегда звонил и писал мне. Говорил: «Возвращайся скорее, я тебя жду. Тебе будет хорошо со мной».

Дороже этого ничего не было.

Спасибо, родные

В Черногорию мы с Мишей собирались через Москву, и я прилетела из Краснодара, чтобы заодно заглянуть в офис, решить всякие вопросы и поработать пару дней. Это был первый случай, когда не я встречала Мишу в аэропорту: он ждал меня в Домодедово с изумительными красными розами.

Тогда редакторы работали в просторном ньюсруме⁶. Там стоял компьютер, который был условно мой, но за четыре года работы я сидела за ним лишь однажды, когда приехала оформляться. В этот приезд я снова проигнорировала «свой» компьютер и ушла к Мише, в бильдьятию⁷. У него и его подчиненных был свой кабинет, а в нем – своя атмосфера.

Я немножко волновалась оттого, что Миша вводил меня туда как в семью. Да это и была его семья, если честно. И меня в ней чудесно приняли.

Миша очень гордился своей командой. Он много раз рассказывал, как долго подбирал подчиненных. Что ему было важно не только то, умеет ли человек работать с фотобанками и обрабатывать картинки в фотошопе, но и что это за человек. Именно этим – человеческими качествами коллег –

⁶ Большая комната, в которой сидит вся новостная редакция.

⁷ Сленговое название кабинета бильд-редакторов – сотрудников, отвечающих за оформление материалов издания фотографиями и другими изображениями.

Миша гордился больше всего.

Я спрашивала у него, что ребята (и две девушки, но Миша обращался ко всем «ребятки») думают обо мне, о том, что мы начали встречаться и Миша через неделю мотается ко мне в Краснодар. А он говорил: «Ну что ты, у нас не принято лезть в личные дела. Да, кажется, они видят, что я изменился, что я счастлив, но пока я не говорю об этом прямо, никто ничего не комментирует».

У бильдов так было принято. Миша был очень деликатен – и его бильды были такими же. Миша был очень добр и внимателен – и его бильды тоже.

Когда я пришла к ним со своим ноутбуком и Миша устроил меня за столом рядом с собой, ребята поздоровались и сделали вид, что ничего такого не происходит. Ну подумаешь, старший привел свою девушку. Но потом я поняла, что всё они видят, что они очень рады за Мишу, рады за нас. И хотят, чтобы у нас все было хорошо.

Это было невзначай, совсем ненавязчиво. Все работали, а один из бильдов вдруг начал советоваться с Мишей по поводу перевода с английского: что-то про медь, бронзу и какие-то сплавы, которые упоминались в новости. И Миша переводил – безо всякого гугл-транслейта, свободно. Я поражалась тому, какой у него, оказывается, крутой словарный запас. Кто-то предложил сыграть в настольный футбол, все развернулись от своих мониторов и обсуждали, удастся ли Михею в этот раз обыграть Мишу, ведь все знают, что Ми-

ша крут, Миша – чемпион. Я смотрела, как Миша играет – и выигрывает. И восхищалась им.

Один из бильдгов, услышав, что я не пью кофе без молока, вытряхнул свои запасы всяких сложносочиненных чаев – чтобы мне было комфортно перекусывать вместе со всеми.

Я могу поспорить, что Миша никого из них не хвалил публично. Но мне он рассказывал о каждом. Как одна из девушек стала победительницей фотоконкурса в забавной номинации «Мисс Расфокус» – с фотографией чудесных птиц. Как один из парней снимает больших кошек – тигров, леопардов, – и они сами лезут к нему в кадр и позируют. Еще один подвозил нас однажды в аэропорт, и Миша едва дотерпел, пока мы выйдем из машины, чтобы спросить: «Заметила, как он водит? Потрясающе, да? Неторопливо, аккуратно, вежливо, предельно безопасно. И двигается так же. Но при этом он – каратист крутейшего уровня и может быть очень резким. Но только когда это по-настоящему нужно».

Бильд с чаем стал Мише близким и надежным другом – все время был рядом. Ассистировал Мише на съемках, участвовал в приключениях, приносил домашний суп в банке. Спустя несколько месяцев после Мишиной смерти он узнал, что я еду в Москву и буду жить в отеле, и спросил: «Хочешь, я тебе завезу домашней еды? Как Мише».

Спасибо, родные. Миша не говорил вам, но я скажу за него: он очень вами гордился. И любил.

У архангела Михаила

Мы поехали в Черногорию, еще когда жили на два города, – подгадали себе по кусочку отпуска, чтобы побыть вместе.

Несколько дней ушло на то, чтобы облазить улочки старой Будвы, найти пляжи, где камни не царапают пузо, когда плывешь, распробовать минестроне в семейном ресторанчике. Миша взял в аренду маленький голубой автомобильчик, и мы ездили по прибрежным городам, национальным паркам, развалинам крепостей, заблудились на каком-то острове и рвали на обочине виноград.

Мы видели горное озеро – такое прозрачное, что лодки, покачиваясь у причала, словно висели в воздухе. Гуляли по старому лесу и разглядывали незнакомые цветы. Петляли по серпантину, останавливались, где захочется, и любовались глубоким каньоном и рекой на его дне.

На перевале мы увидели дом, подъездную дорогу к нему и столик, покрытый скатертью. Думали, это кафе, и остановились купить воды, но оказалось, что это просто жилой дом. Аккуратные грядки спускались от дороги по склону почти вертикально, все было усыпано яблоками, а в глубине двора огромным колуном колола дрова очень пожилая бабуля. Она вышла и по-мужски протянула Мише руку. Он потом вспоминал, что ее ладонь была больше, чем его, жаркая и с мо-

золями, которые бывают, только когда тяжело работаешь целый век кряду. Мы жестами показали, что хотели бы выпить воды, она предложила кофе и наотрез отказалась от платы. Даже возмутилась: как так, за воду деньги брать? Когда мы уезжали, она остановила меня, ухватив за блузку, и насыпала корзину яблок. Мы часто вспоминали с Мишей эту бабулю. И думали, как было бы хорошо так жить. И не брать с путников ничего за воду и яблоки.

К концу дня я заметила указатель – монастырь архангела Михаила, и предложила Мише, раз уж мы тут, заглянуть в гости к его святому покровителю. Он согласился, мы долго петляли среди виноградников и садов, прежде чем подъехали к крошечному, как во многих черногорских деревеньках, монастырю. Птичник, каменная церковка и уютный чистенький домик. Ворота были открыты настежь, но внутри не оказалось никого.

Мы настороженно обошли двор и решили – ну что ж, может быть, нас тут ждали. И устроились на скамеечке над каньоном, среди цветов. Возле источника с барельефом нашлись кружки, вода была вкуснейшей, воздух – невероятным, а вид – подарочным.

Тогда, в те самые тихие минуты, мы поняли, что это наше, это то, чего мы бы хотели. Меньше людей, больше природы, меньше шума, больше цветов. Красоты, зелени, моря, гор, неба. И потом во всех своих путешествиях мы искали именно этого. И находили.

Может быть, архангел Михаил улыбнулся нам, увидев оставленные у источника монетки. Может быть, слушал наши разговоры и гладил по головам. Как все-таки много нам было дано. И как мало.

Подарки

Мне было трудно дарить Мише подарки. Во-первых, у нас с самого начала был общий бюджет и мы обсуждали все траты – даже заказы из онлайн-супермаркета. А во-вторых, его было сложно уговорить купить что-то для себя.

Как-то мы во время прогулки заговорили про подарки. Я пожаловалась, что мне дарили шторы с нарисованными на них шторами. А Миша посмеялся и рассказал, что прошел весь спектр дежурных подарков – от носков и пены для бриться до кружки со знаком зодиака.

Я помню, как купила ему красную футболку – просто так, без повода. Еще до того как я приняла его любовь к черному цвету, меня огорчало, что Миша носит все темное. Только в свое последнее лето Миша признался, что немножко стеснялся ходить в таком ярком и дома в этой футболке чувствовал себя гораздо лучше, чем во время выходов.

Мне всегда было радостно смотреть на Мишу в ней. Радостно видеть, что я о нем позаботилась – и он принял мое внимание. Радостно вспоминать первые влюбленные недели. А после его признания – понимать, что он преодолевал свое стеснение ради меня. Миша умер в этой футболке, и мне было мучительно подписывать в морге акт об ее уничтожении, ведь это была не просто вещь. Хотя, если честно, у нас все вещи – не просто вещи.

Еще я подарила Мише очки. Он очень любил Ray-Ban, определенную модель. Незадолго до нашей встречи он их потерял и наказал себя – купил абы какие за 100 рублей. Когда я узнала, почему он носит такие странные солнечные очки, сказала: «Знаешь, я думаю, ты уже достаточно наказан, теперь уже можно простить себя». И мы купили ему клевые очки – ну и что, что в ноябре. Зато они его радовали. Миша в них на своих самых классных портретах – там, где он именно такой, каким я его видела.

Другие подарки – в основном всякие гаджеты – были источником вечного препирательства. Я предлагала подарить Мише что-то из техники, а он сопротивлялся, говорил, что ему и так хорошо. Или начинал настаивать, что нужно тогда срочно что-то купить и для меня. Иногда мы так и делали – сразу два подарка, ему и мне. Так было и с его первым после смерти днем рождения.

Миша долго не мог определиться, что он хочет – компактную камеру или телефон с крутой камерой. И то и другое позволило бы ему не брать с собой в путешествия зеркалку с объективами. Но и у того и у другого были свои фотографические минусы. Решился он только за, наверное, пару недель до смерти.

Я так радуюсь, что Миша успел хоть немного поиграться со своим новым телефоном, что он хотя бы один раз поснимал им меня – и был очень доволен. Я радуюсь, что он успел получить подарок на день рождения, до которого не дожил.

Но как же мне жаль, что он не успел опробовать его в горах – мы хотели поехать смотреть на осень в горы и купаться в горячих источниках. Мне так жаль, что он не снимает стремительного кота Персика – моих умений на это толком не хватает.

Мне так жаль, что я не вижу, как загораются Мишины глаза, когда я – что-нибудь, неважно что, – для него. Я бы все для него.

Винтаж

Почти сразу после похорон Мишины сайты поломались – и фотошкольный, и его личный, и фотобанк. Потребовалось небольшое чудо, чтобы получить к ним доступ и починить. Когда все заработало, я сразу же пошла смотреть на то, как Миша видел меня. В подсолнухах, в цветущих вишнях, на море. И, конечно, самые первые фотографии, снятые за нашим домом, – ими Миша объяснился мне в любви. И вспомнила, как мы обсуждали один из этих снимков.

Миша был в офисе в Москве, я дома в Краснодаре, мы переписывались в мессенджере, и я рассказала ему, как много вижу в этих фотографиях. Он написал в ответ: «Я тронут». Я тут же ответила: «Ну вот как тут удержаться от шутки?» Миша попросил уточнить, и я сказала, что в ответ на «я тронут» напрашивается «это заметно». «Какие тут шутки. Я так себя и ощущаю», – написал мне Миша тогда.

Мне очень нравилось, когда он так – слегка винтажно – выражался. Он мог, например, сказать, что надо взять с собой кофту: «Вдруг ты озябнешь». Или называл мальчишек в нашем дворе охламонами. Или говорил, что он какой-то неуклюжий.

Когда я говорила об этом Мише, он смущался. На первых порах даже возражал, мол, он же такой косноязычный, у него в школе всегда была беда с сочинениями.

Но это было совсем не так. В том, как Миша говорил, слышался голос его бабушки Галины Михайловны, всю жизнь проработавшей редактором в заводской типографии в Саратове. Я не знала ее, но восхищаюсь тем, каким она сумела воспитать Мишу.

ТехнарЬ Миша читал куда больше меня, филолога. Он читал ежедневно, на русском и на английском. И художественную литературу, и учебную, и нон-фикшен. Однажды он решил подтянуть свой кругозор и взялся читать подряд все книги из топ-100 по версии ВВС. И, например, он читал Оруэлла, а я знаю его лишь в пересказах.

Миша не только говорил винтажно. Он и сам был – при всей своей увлеченности технологиями и продвинутости – немножко несовременным. В таком хорошем, романтическом смысле. Когда он усаживал меня в машину, подавал мне руку на выходе из транспорта, открывал передо мной двери, в этом не было ни капли рисовки или стремления понравиться. Для Миши это было естественно и органично.

Для него естественно и органично было быть старшим и сильным. Заботиться о моих безопасности и комфорте. Контролировать ситуацию и решать проблемы. С ним легко было быть девочкой-девочкой. Переходить дорогу не глядя. Не помнить о хулигане, свернувшем перед нами в переулок. Спускаться по лестнице, опираясь на надежное плечо.

Помните у Рождественского: «Будь, пожалуйста, послабее, будь, пожалуйста, и тогда я тебе подарю чудо запро-

сто...» Мише не нужно было, чтобы я стала слабее. Он не ждал от меня ничего. Просто любил меня изо всех сил и делал все, чтобы мне было хорошо и спокойно. Он успевал подумать и позаботиться обо всем. Он был вокруг меня – в каждом жесте, в каждой мелочи. А потом уже и я откликнулась на это. Становилась мягче и спокойнее. Не слабее, нет. Просто я была замужем. За мужем. За Мишей.

Когда-то я думала, что семья, когда муж – глава, а жена – за ним, не для меня. Мне хотелось семью-партнерство. Но мужчины, которых я встречала, были или гораздо слабее, или сильнее, но при этом деспотичными.

С Мишей все было иначе. Я спрашивала у него, кто стал ему ролевой моделью мужчины, мужа. Он вырос безотцовщиной. Дедушки не было, отчим – алкаш из ЖЭКа. Откуда же это? Из фильмов? Из книг? Миша и сам не знал. Он просто чувствовал, понимал, что так – правильно. И он был прав.

Кухня и цвет

Мы очень долго не могли отремонтировать кухню. Готовили на бывшем дочкином письменном столе на переносной плитке и маялись без духовки. Можно, конечно, было и раньше, но мы с Мишей думали: пока будем разбираться с ипотекой и ремонтом, сколько лет уйдет, а мы уже не такие юные, чтобы откладывать жизнь и путешествия на потом. И вместо кухни уезжали куда-нибудь.

Еще и никак не находилось цветовое решение. За двадцать лет на съемных квартирах я намечтала себе оранжевую кухню – любимого позитивного цвета. Но когда собственная квартира наконец появилась, я вдруг с ужасом поняла, что оранжевый – это слишком ярко и агрессивно. Выход нашел, конечно, Миша – он предложил фисташковый с оранжевыми акцентами.

Когда мы перестали надеяться найти в дорогих мебельных магазинах бюджетную кухню, наш постоянный ремонтник предложил обратиться к его подруге в магазинчик в соседнем районе, где для своих делают хорошие скидки. Мы сходили, посмотрели на безликие бежевые кухни, потом какое-то время попереваривали впечатления и решили смириться – ну пусть так, что ж делать, переплачивать за мечту никакой возможности нет. А когда вернулись, чтобы сделать заказ, оказалось, в магазине устроили грандиозную пе-

рестановку и из каких-то закровов выволокли поперек прохода совершенно прекрасную нежно-фисташковую прованскую кухню. И это было именно то, что мы хотели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.